

Это задание затянулось дольше прочих, но теперь его наконец можно было назвать успешно завершённым.

— Хочешь пойти со мной, Ёсано? — спросил Аль-Хайтам.

Он не сомневался в ответе: идти Акико Ёсано было больше некуда, и выбора у неё попросту не оставалось.

— Я помогу тебе миновать их проверки.

—...

Проявляя разумную осторожность, Акико не спешила с ответом. В мыслях она раз за разом возвращалась к прошлому, к пережитому на острове Токоями и к тому смутному, пугающему будущему, что ждало её впереди.

Но сколько бы она ни размышляла, вывод напрашивался сам собой: Аль-Хайтам, который с самой первой встречи ни разу не выказал особого интереса к её эсперской способности, пожалуй, был для неё лучшим из возможных вариантов.

— Хорошо.

Ёсано одним движением зачесала назад растрёпанные, лезущие в глаза пряди и повернулась к Аль-Хайтаму.

— А у тебя дома... кто-то живёт? — поинтересовалась она.

— Двое несносных мальчишек, один излишне мягкосердечный архитектор и домашний любимец, которого почти никто не замечает.

Вот только у сорванцов в головах вечно роились сотни пакостей, а незаметным питомцем на деле была несчастная Система, которую эти двое изводили изо дня в день.

— Что ж... тогда идём. Собрать мне всё равно нечего.

Решившись наконец оставить в прошлом былые невзгоды и тяжёлые воспоминания, Акико Ёсано сделала смелый шаг навстречу новому будущему.

Благодаря особому методу Аль-Хайтама они в один миг оказались у самого порога его дома.

— Смелее, стучи.

— А? Да... сейчас...

С замиранием сердца Акико нажала на кнопку звонка, гадая, кто же покажется на пороге.

Раздался тихий щелчок открывающегося замка.

И хотя Акико пыталась подготовить себя к любой неожиданности, в ту же секунду, как дверь распахнулась, её едва не сбило с ног облако разноцветных конфетти и серпантина.

— Добро пожаловать в наш дом!

Кавех вместе с Системой вовсю палили из игрушечных хлопушек, искренне радуясь госте.

Сатору Годзё счёл подобное приветствие верхом ребячества и просто стоял в сторонке, изображая величественную приветственную статую. Стоило Акико переступить порог, он смерил её оценивающим взглядом и с довольным видом кивнул — его личная «группа поддержки», о которой он так просил, наконец-то прибыла.

— Ой, а это?..

Акико растеряннo уставилась на крохотную мягкую игрушку, которую Кавех тут же всучил ей в руки. На макушке у забавного создания, отдалённо и весьма абстрактно напоминавшего аранару, красовалась заколка с аккуратным бантиком.

— Аль-Хайтам обмолвился, что тебе должно понравиться, — улыбнулся Кавех, увлекая девочку вглубь дома.

Они спланировали всё заранее: первым делом нужно было окружить Акико теплом и заботой, чтобы помочь ей расслабиться и хоть немного притупить тревогу, оставшуюся после пережитого на войне.

Следом в прихожую наконец-то протиснулся и сам Аль-Хайтам, до этого терпеливо ждавший, пока освободят проход.

Сюдзи Цусима, сидевший у журнального столика, как раз прилежно раскладывал угощения по тарелкам. Заметив Акико, он вежливо протянул ей щедрый кусок торта, украшенный свежими фруктами.

— Добро пожаловать.

В присутствии новой гостьи Сюдзи держался на удивление скромно и чинно — куда послушнее, чем обычно в компании Сатору. Неудивительно, что они с Акико сразу прониклись друг к другу симпатией.

— Ну как? Тебе нравится? — спросил Сюдзи.

— Почти несладкий. Очень вкусно, спасибо.

Акико, до последнего боявшаяся, что её здесь не примут, наконец вздохнула с облегчением. Похоже, здешним обитателям и впрямь не было дела до её мрачного прошлого.

Напряжение в её плечах постепенно растаяло. Она сделала ещё один глоток чая и принялась неторопливо смаковать нежное сочетание воздушного крема, сочных фруктов и мягкого бисквита.

«Как же тепло...»

«Неужели и у меня теперь будет настоящий дом?»

Всё происходящее казалось слишком прекрасным, чтобы быть правдой. В конце концов, когда-то она была всего лишь сиротой, подрабатывавшей в кондитерской лавке. Немногие друзья, что у неё когда-то были, давно, должно быть, позабыли её за столько лет разлуки.

Если бы Аль-Хайтам по дороге сюда без конца не твердил, что его домашние встретят её со всем радушием, она бы точно решила, что всё это лишь зыбкий, счастливый сон.

— Раз уж мы тебя приютили, то принимай нашу заботу как должное, без лишних терзаний, — спокойно произнёс присевший чуть поодаль Аль-Хайтам. Он прекрасно знал, как подбирать слова, чтобы человек быстрее расслабился и перестал держать оборону.

В этот момент Сатору беззастенчиво стянул из-под носа Сюдзи ещё один кусок торта и, тут же отправив его в рот, недовольно сморщился:

— Да тут же сахара вообще нет! Какая же это сладость?

Сюдзи не остался в долгу и моментально огрызнулся:

— Не нравится — не ешь! У тебя, похоже, все рецепторы окончательно атрофировались от твоих сиропов. В голове один сахар, сахар и ещё раз сахар!

— Вообще-то, лучший комплимент для хорошего кондитера — это когда говорят, что десерт получился не приторным! — авторитетно добавил Цусима.

Сатору округлил глаза, искренне не понимая, откуда вообще взялась подобная нелепость.

— Что за вздор! Я объявляю войну этому заблуждению и лично его уничтожу!

Конечно, в одиночку Сатору вряд ли сумел бы изменить вкусы всего человечества, но вот навязать своё мнение присутствующим — запросто.

— Настоящие десерты просто обязаны быть приторно-сладкими!

Он повернулся к Акико и, прекрасно зная силу своего очарования, демонстративно сдвинул тёмные очки на кончик носа.

Взгляд его бездонных голубых глаз, сверкающих подобно чистейшим сапфирам, заставил девочку на мгновение опешить. Акико почувствовала, что её хваленая стойкость даёт трещину, а здравый смысл готов позорно капитулировать перед этой неземной красотой. Ей нестерпимо захотелось кивнуть и согласиться с любым его словом.

— Немедленно надень очки! Или у тебя мозг от перегрузки закипел? — Сюдзи резким движением нацепил очки Сатору обратно на переносицу. Метод сработал безупречно: ослепительный, сияющий всеми цветами радуги красавец в ту же секунду превратился в слепого уличного музыканта-недоучку.

— И всё же... когда не слишком сладко, гораздо лучше, — озвучила своё мнение Акико. Чары рассеялись без следа, и она вернулась к первоначальным предпочтениям.

Сатору недовольно заворчал и принялся шутливо пихаться с Сюдзи, бубня под нос, что обязательно исправит этот «пресный» торт.

Цусима недрогнувшей рукой достал из-под стола доверху набитую сахарницу и швырнул её прямо в грудь Сатору, велел этому кулинарному еретику забирать свою порцию и проваливать.

Впрочем, Годзё только того и ждал. С довольной ухмылкой он принялся щедро, горсть за горстью, засыпать свой кусок рафинадом. При виде этой белой горы у остальных присутствующих невольно заныли зубы.

— Хоть бы ты лопнул от этой приторности, — буркнул Сюдзи.

— О, поверь, это была бы самая сладкая смерть на свете! — рассмеялся Сатору.

Перепалка разгоралась с новой силой, наполняя дом шумом и весёлой суетой.

— На самом деле они славные ребята, — тихонько шепнул Кавех, устроившись по правую руку от Акико. Он заметно переживал, что гостью может напугать такой балаган. — Просто обожают спорить из-за всяких пустяков.

— Здесь так шумно и весело. Мне очень нравится, — искренне улыбнулась Акико.

Этот дом, наполненный голосами и смехом, казался ей невероятно уютным — полная противоположность стерильному, мертвенно-холодному армейскому госпиталю.

Понаблюдав за Акико ещё немного и убедившись, что девочка чувствует себя вполне комфортно, Аль-Хайтам поднялся из-за стола и направился к себе в кабинет.

Вытащить её из пекла войны было лишь половиной дела; теперь предстояло решить множество сопутствующих проблем. Нужно было состряпать для неё новые документы, составить подробный отчёт о действиях Огая Мори и помочь Акико приспособиться к мирной жизни.

По крайней мере, до тех пор, пока она не научится полностью контролировать свою способность «Не отдавай, любимый, жизнь свою» и не перестанет так болезненно реагировать на чужую смерть, Аль-Хайтам не собирался выпускать её в город.

Это было слишком опрометчиво и опасно для неё самой.

Пока он размышлял, в дверь кабинета тихонько постучали.

— Господин Аль-Хайтам... — на пороге показалась Акико. Она робко приоткрыла дверь и скользнула внутрь.

— Почему ты не с ними? Чувствуешь себя не в своей тарелке? — мягко спросил он, отрываясь от бумаг.

— Нет, что вы, дело не в этом... — девочка принялась неловко теребить подол своего платья, явно не зная, с чего начать разговор.

— Если ты переживаешь из-за своей способности, то напрасно, — успокоил её Аль-Хайтам. — Все в этом доме о ней знают. У Сатору есть его «Шесть глаз» и «Безграничность», а Сюдзи владеет «Неполноценным человеком». Поверь, никто здесь не станет чураться тебя из-за твоего дара.

Акико на секунду застыла от изумления, но быстро взяла себя в руки.

— Спасибо... Это действительно меня беспокоило. Но я пришла спросить о другом. Скажите... смогу ли я когда-нибудь снова выходить на улицу?

Она опустила голову, боясь услышать приговор.

Успев однажды ощутить ласковое тепло солнечных лучей, вдохнуть чистый воздух полной грудью, увидеть бескрайнюю синеву неба и сочную зелень лесов, она до смерти боялась вновь оказаться запертой в четырёх стенах. Пусть даже шанс получить отказ был велик, Акико должна была узнать правду.

«Если мне нельзя выходить... что ж, я приму это».

Глядя на её поникшие плечи, Аль-Хайтам мысленно вздохнул. Похоже, все его предыдущие попытки её приободрить прошли даром.

— Разумеется, сможешь. Мы приняли тебя в семью как ребёнка, а не заперли в клетке как пленницу. Акико, в этом доме ты имеешь полное право быть более капризной и требовательной.

— Если хочешь свободно гулять по городу, тебе придётся научиться держать свою способность под контролем и спокойно общаться с обычными людьми. А теперь... иди сюда и выбери себе новое имя для внешнего мира.

Аль-Хайтам пододвинул к ней увесистый справочник имён и фамилий, над которым работал до её прихода.

— Твое прежнее имя слишком тесно связано с армейскими архивами, им пользоваться нельзя. Я создам для тебя чистую, ни у кого не вызывающую подозрения биографию.

Акико растерянно прижала книгу к груди. В точности так же, когда они только встретились, она прижимала к себе его подарок — иллюстрированную сказку об аранарах.

«Значит, мне разрешили!»

Осознав это, девочка невольно расплылась в счастливой, по-детски глупой улыбке. Она торопливо открыла книгу и принялась увлечённо перелистывать страницы в поисках созвучных слов.

— Тё... — Акико указала на иероглиф «бабочка» и с надеждой посмотрела на Аль-Хайтама. — Можно мне взять эту фамилию?

— Хороший выбор, — одобрительно кивнул Аль-Хайтам.

Она и впрямь напоминала ему бабочку — прекрасное хрупкое создание, вырвавшееся из удушающего кокона войны, чьи крылья, однако, таили в себе смертоносный яд.

— А имя я бы хотела оставить прежним. Оно довольно обычное, да и к новому мне будет трудно привыкнуть.

— Как пожелаешь, Акико.

Так, лёгким росчерком пера Аль-Хайтама, Акико Ёсано превратилась для внешнего мира в Акико Тё — несчастную сироту, чьи родители погибли в автокатастрофе, вынудив её переехать к дальним родственникам.

— Теперь ты спокойна? Возвращайся к остальным, а то главный виновник торжества слишком надолго покинул собственный праздник.

Аль-Хайтам выразительно скосил глаза в сторону приоткрытой двери, за которой друг над другом теснились четыре любопытные макушки, и едва заметно покачал головой.

— Да, бегу!

На щеках Акико всё ещё горел румянец от пережитого волнения. Она поспешила обратно к лестнице, так и не заметив, как караулившая её банда шпионов с завидной прытью бросилась наутёк.

Аль-Хайтам лишь тихо усмехнулся им вслед:

— Неугомонные...

Каждый из них по-своему испытывал его терпение, но отрицать очевидное было глупо — в своей непосредственности они все были по-своему очаровательны.

Аккуратно вернув справочник на полку, Аль-Хайтам взялся за остальные дела. Он привык решать проблемы последовательно и без суеты, ведь меньше всего на свете ему хотелось засиживаться допоздна и тратить личное время на сверхурочную работу.

Тем временем Сатору, Сюдзи, Кавех и Система, безмолвно предупреждённые строгим взглядом хозяина кабинета, гурьбой скатились по лестнице на первый этаж, стараясь принять максимально непринуждённый вид.

А началось всё с Кавеха, который первым заметил исчезновение Акико и решил осторожно проверить, как у неё дела. Разумеется, Сатору тут же увязался за ним, попутно прихватив за шкирку сопротивляющегося Сюдзи, а замыкала это шествие семенящая позади Система.

Эта живая цепочка выглядела со стороны настолько комично, что у любого невольно вызвала бы улыбку.

Вернувшись в гостиную, несостоявшиеся заговорщики поспешили разойтись по своим местам, спешно припоминая, чем занимались мгновение назад.

— И что это сейчас было? — со вздохом спросил Сюдзи. Он, в отличие от некоторых вечно бодрствующих кошачьих натур, привык соблюдать нормальный режим дня и сейчас откровенно утомлялся от этих догонялок.

— Ты, например, издевался над своим безвкусным тортом, — ядовито припомнил он Сатору. Горка сахара на тарелке Годзё уже начала таять, превращаясь в липкий сироп, в котором сиротливо торчала вилка.

— А ты раскладывал свои дурацкие нарезки, — не остался в долгу Сатору, который до этого успел раскритиковать Сюдзи даже за то, под каким углом тот резал бисквит.

— Пойдите, мы же собирались что-то сделать? — Кавех озадаченно почесал затылок. Из-за этой суматохи у него совершенно вылетела из головы собственная мысль.

— Пип-пип! Согласно моим записям, уважаемый Кавех обещал показать госпоже Акико её новую комнату, — услужливо подала голос Система.

Каждый раз, когда в их доме селился новый ребёнок, Кавех подходил к обустройству его комнаты со всей душой. Зная от Аль-Хайтама, что у Акико нет с собой абсолютно никаких вещей, архитектор заранее разузнал о её предпочтениях, чтобы обустроить всё как можно лучше.

— Точно! — хором отозвались мальчишки.

Впрочем, интерьерные хлопоты мало занимали парней. Куда больше их интриговала эсперская способность Акико, но, судя по недавнему предупреждению Аль-Хайтама, расспросы на эту тему пока стоило отложить.

Сюдзи незаметно показал Сатору жест, призывающий набраться терпения, и повернулся к лестнице, с которой как раз спускалась Акико.

Приняв тёплый душ и переодевшись, Акико окинула взглядом свою новую комнату, оформленную в мягких, согревающих тонах. Облегчённо выдохнув, она без сил рухнула на просторную кровать.

Ей до сих пор не верилось, что ещё вчера перед её глазами простирались лишь кошмары войны — оторванные конечности, кровь и лица застывших в вечном страдании солдат, а уже сегодня она оказалась посреди обычного, согретого домашним уютом семейного вечера.

Пусть даже здешние обитатели были далеки от понятия нормальности.

— Неужели это всё не сон?.. — прошептала она, глядя в потолок.

Она подняла руку и растопырила пальцы перед лампой. Кожа на ладонях давно огрубела и покрылась жёсткими мозолями от хирургических инструментов — совсем не такие руки должны быть у девочки её возраста.

«Даже если это сон... пусть он подольше не кончается».

Она перевернулась на бок, и влажное полотенце соскользнуло с её головы на подушку. Кровать была невероятно мягкой, а от пухового одеяла исходил тонкий, удивительно приятный аромат нагретой солнцем ткани. Казалось, само солнце ласково укутывало её своими лучами.

Веки налились свинцом, сознание начало медленно уплывать в полузабытьё.

Тихий, деликатный стук в дверь мгновенно вернул её к реальности. Акико поспешно поднялась и пошла открывать.

— Господин Кавех?

Девочка закинула голову вверх. Оба взрослых мужчины в этом доме были удивительно высокими, и ей приходилось изрядно напрягать шею, чтобы просто заглянуть им в лицо.

— Прости, пожалуйста, я тебя разбудил? — виновато спросил Кавех.

Взглянув на её растрёпанные влажные волосы и примятую постель, он сразу понял, что девочка едва не заснула прямо так, не потрудившись высушить голову.

— Нет-нет, я ещё не спала. Просто немного разморило, — поспешила заверить его Акико.

В общении с Кавехом она всё ещё держалась излишне официально и вежливо. Всё-таки он, в отличие от Аль-Хайтама, не провёл с ней бок о бок столько времени. И всё же в открытой, добродушной улыбке этого человека крылось какое-то удивительное обаяние, заставлявшее Акико невольно расслабляться в его присутствии.

— Позволишь войти? Я принёс тебе стакан тёплого молока и хотел помочь высушить волосы, —

Кавех приподнял правую руку, в которой бережно держал чашку с ароматным напитком.

— Да... конечно, проходите.

Отказываться от столь искренней заботы в гостеприимном доме Акико было неловко.

— Аль-Хайтам в общих чертах поведал нам о том, через что тебе пришлось пройти, так что не переживай и не бойся расспросов... — мягко заговорил Кавех.

Он усадил девочку на пуфик и принялся аккуратно, едва ощутимыми движениями промокать её волосы пушистым полотенцем, словно бережно обсушивал крошечного беззащитного зверька.

— Хорошо... — тихо отозвалась Акико, делая маленький глоток из чашки.

Приятное тепло от массажа кожи головы окутало её, и девочке на миг показалось, что она готова довольно замурлыкать, словно кошка, но она вовремя прикусила язык, посчитав подобное верхом неприличия.

— Тебе нужно что-нибудь ещё? — поинтересовался архитектор. — Я обустроивал комнату в спешке и, возможно, упустил из виду какие-то важные мелочи. Если тебе чего-то не хватает, ты только скажи, я мигом всё устрою.

Акико вновь огляделась. Просторный письменный стол, мягкая постель, платяной шкаф, ломящийся от нарядов самых разных фасонов, и аккуратные деревянные безделушки ручной работы на полках — о такой прекрасной комнате она раньше не смела даже мечтать.

— Мне здесь очень, очень нравится, — искренне прошептала Акико, смущённо пряча взгляд.

— Есть ли вещи, которые вызывают у тебя неприятные воспоминания или страх? — заботливо спросил Кавех.

Кавех ладонью проверил пряди и, решив, что полотенца больше не понадобятся, ненадолго отлучился в ванную за феном.

Оставшись одна, Акико задумалась над его вопросом. Чего она боялась больше всего? Пожалуй, Огая Мори, затащившего её в этот ад под названием «Бессмертный легион», проклятий, что сыпались на неё со всех сторон, и бесконечной череды изувеченных, стонущих от боли людей, балансирующих на грани жизни и смерти.

Но здесь, в этих стенах, ничего этого не было.

Она тихо, едва слышно вздохнула.

«Какая же я эгоистка... Я радуюсь тому, что сбежала и бросила несчастных солдат, которые страдали исключительно по моей вине».

Настроение девочки мгновенно улетучилось. Тяжёлый камень вины вновь лёг на её сердце — она ведь не была хорошим человеком, раз предпочла трусливо скрыться, спасая собственную шкуру.

«Но что станет с легионом теперь, когда Мори ушёл? Неужели их так и оставят гнить на этом проклятом острове?..»

Вернувшись с феном, Кавех сразу заметил перемену в её лице. Он не стал ни о чём расспрашивать, а просто молча включил прибор и принялся аккуратно сушить её волосы.

Поток тёплого воздуха ласкал уши Акико, пробиваясь сквозь шёлковые пряди и унося с собой остатки дневных забот.

— Знаешь, Акико... Если тебя что-то гложет, ты всегда можешь поделиться с нами. Мы обязательно поможем со всем разобраться, — негромко произнёс он сквозь мерный гул прибора.

И это не было пустой похвалой. В этом странном доме и двое взрослых, обладавших невероятными способностями, и двое не по годам развитых мальчишек имели достаточно сил и влияния, чтобы справиться практически с любой невзгодой.

Кавех мягко взъерошил её сухие, ставшие пушистыми волосы.

— Аль-Хайтам сегодня сказал очень правильную вещь: ты имеешь полное право позволить себе чуточку эгоизма.

Быть своенравной и шумной, как Сатору, который умудрялся оставлять после себя хаос и разрушения везде, где бы ни появлялся. Быть скрытным исследователем человеческих душ, как Сюдзи, вечно плетущим свои интриги.

Или, в конце концов, быть прагматичной, как Аль-Хайтам, который брался только за те дела, что были ему по душе, игнорируя всё остальное. Ну или, на худой конец, походить на самого Кавеха — без оглядки отдавать все силы искусству и высоким идеалам, даже если это не приносит ни единого гроша.

В этом доме у каждого были свои причуды и капризы, но все уживались вместе, принимая друг друга со всеми недостатками. Потому что они были семьёй.

Кавех смотрел на Акико с такой бесконечной нежностью и сочувствием, словно перед ним был промокший под проливным дождём птенец, запутавшийся в паутине мотылёк или пугливый жеребёнок, застывший перед бурной рекой.

В этом взгляде не было и капли фальши — лишь такое безграничное понимание и тепло, от которого у девочки болезненно сжалось сердце. Так на детей смотрят только любящие родители.

— Я... — Акико попыталась что-то сказать, но горло перехватило, и даже тёплое молоко не помогло справиться с внезапной сухостью.

Архитектор лишь ободряюще улыбнулся, призывая её продолжать.

— Я бы очень хотела узнать... что стало с теми солдатами на острове. И ещё... мне нужно оружие, чтобы защитить себя. И... я бы хотела просто жить, как самая обычная девочка, и...

Слова давались ей с трудом, она то и дело запиналась, выкладывая свои самые сокровенные желания. Ещё пару минут назад эти просьбы казались ей верхом наглости и эгоизма, но сейчас, под этим тёплым взглядом, они больше не выглядели чем-то предосудительным. Наверное, всему виной была эта уютная комната, мягкая постель и невыразимо доброе лицо Кавеха.

Выпалив всё на одном дыхании, Акико смущённо опустила глаза, испугавшись собственной смелости.

— И это всё? — спросил Кавех, легонько постукивая кончиком карандаша по блокноту. Он умудрился незаметно вытащить его из кармана и быстро набросать список её пожеланий, бережно фиксируя каждое слово.

— Всё... — Акико замотала головой. От волнения она уже и сама толком не помнила, что успела наговорить.

— Ну вот и славно. Уже поздно, так что постарайся поскорее уснуть, — тепло улыбнулся он, забирая пустой стакан.

Кавех тихо прикрыл за собой дверь комнаты, оставляя девочку наедине с её мыслями.

— Фух... — шумно выдохнул он, едва оказавшись в коридоре.

— И что ты решил делать с теми солдатами? — спросил он у Аль-Хайтама, который, как выяснилось, всё это время стоял неподалёку, прислонившись к стене и листая очередную книгу.

— Проект на острове Токоями изначально был обречён на провал, сейчас военное руководство его полностью свернуло. Клан Цусима забрал под свою опеку часть выживших. Остальных признали негодными к службе из-за тяжелейших психических травм и демобилизовали — сейчас их забирают по домам родственники.

Аль-Хайтам озвучил сухие факты без малейшего колебания. Очевидно, он держал руку на пульсе и давно изучил все отчёты.

— Тогда завтра же расскажи об этом Акико, — облегчённо вздохнул Кавех. — По крайней мере, для них всё закончилось относительно благополучно.

Архитектор ладонью проверил исписанные страницы своего блокнота, мысленно набрасывая маршрут по магазинам на завтрашнее утро. Ему предстояло раздобыть массу полезных вещей для их новой подопечной.

На этом разговор взрослых подошёл к концу.

А вот в комнате мальчиков ночные дебаты только-только набирали обороты.

— Ты что творишь? — недовольно проворчал Сюдзи.

В отличие от некоторых вечно бодрствующих кошачьих натур, Цусима свято чтит режим сна и сейчас совершенно не разделял чужого энтузиазма.

— Слушай, а как думаешь, сколько времени уйдёт у новенькой на то, чтобы полностью подчинить себе силу? Мне не терпится взять её с собой на какую-нибудь знатную заварушку!

Сатору так и лучился восторгом. Только представь: способность «Не отдавай, любимый, жизнь свою», возвращающая человека с того света прямо в момент гибели! Да с таким целителем за спиной можно вообще не сдерживать удары! А ещё можно сколотить отличную команду и бросить вызов другим сильным противникам — тому же Цунаёши Саваде или Реборну.

— Во сне увидишь... — пробормотал Сюдзи, уплывая в сон.

Но Сатору бесцеремонно схватил его за плечи и принялся немилосердно трясти. Сонливость Цусимы как рукой сняло, а сонный взгляд мгновенно сменился яростным прищуром.

— Эй, ну не вредничай, помоги мне придумать план!

— Да я из тебя сейчас этот план выколочу!

Сюдзи в ярости запустил в него подушкой, но Сатору с лёгкостью увернулся, даже не прибегая к своей технике.

— Ха! И это всё, на что ты способен? — издевательски хмыкнул Годзё.

Разумеется, в его светлой голове не возникло и тени раскаяния за то, что он бесцеремонно прервал чужой сон, а потом ещё и довёл приятеля до белого каления. Впрочем, у этого нечеловеческого кота чувство вины отсутствовало как класс.

Сюдзи с головой укутался в одеяло, раз и навсегда решив для себя, что презирает всех твердолобых качков, не умеющих пользоваться собственными мозгами. И Сатору Годзё в этом списке уверенно занимал почётное первое место.

<http://bllate.org/book/18256/1755669>